

ЗАПАДНИЧЕСТВО ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

причины происхожденія его и силы

1836–1851

Sine ira et studio...

Тацитъ.

*Justitia est constans et perpetua voluntas
jus suum cuique tribuere.*

Institutiones.

I

Пустынна, однообразна и печальна какъ киргизская степь, должна была представиться русская жизнь въ ея прошедшемъ и настоящемъ тому, кто смѣло и честно какъ П. Я. Чаадаевъ, взглянулъ на

нее съ выработанной западомъ точки созерцанія, не ослѣпляясь кажущимися и въ сущности фальшивыми аналогіями, тѣмъ менѣе стараясь проводить эти фальшивыя аналогіи. Между тѣмъ, эта точка зрѣнія явилась вовсе не внезапно, вовсе не какъ Deus ex machina. Зерно такого рѣзкаго созерцанія лежало уже давно въ сознаниі высшихъ нашихъ представителей, вырывалось по временамъ у величайшаго изъ нихъ Пушкина, то ироническимъ примиреніемъ съ дѣйствительностью, какъ въ извѣстной строфѣ уничтоженной главы Онѣгина, то стихотвореніемъ, которое самъ онъ назвалъ «Капризомъ.»

Румяный критикъ мой,
насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ
нашей сонной музой,
Поди—ка ты сюда, присядь ко ты
со мной, и т. д.,

стихотвореніемъ, въ которомъ между прочим, не смотря на его шуточный тонъ,

именно какъ въ зернѣ заключаются многія послѣдующія отношенія литературы нашей къ дѣйствительности, и лермонтовское созерцаніе, выразившееся такъ энергически—горько:

Люблю я родину, но
странною любовью,
Не побѣдитъ ее разсудокъ
мой...

и повѣсти сороковыхъ годовъ съ ихъ постоянно и намѣренно—злымъ изобрѣтеніемъ грязной и грубой обстановки, въ которой осуждены задыхаться лучшія натуры и огаревскіе вопли

Да! въ нашей грустной
сторонѣ,
Скажите, чтожъ и дѣлать
болѣ,
Какъ не хозяйничать женѣ
А мужу съ псами ѣздить въ
поле;

и мрачное, безотрадное созерцаніе великаго аналитика «пошлости пошлаго человѣка» и унылый, туманно–сѣренькій, ненастный колоритъ, наброшенный на жизнь сантиментальнымъ натурализмомъ и наконецъ почти всѣ стихотворенія Некрасова — даже до его послѣдняго, т. е. до «Деревенскихъ вѣстей», которое впрочемъ и стихотвореніемъ—то назвать какъ—то худо поворачивается языкъ... Все это въ сущности есть не что иное, какъ развитіе пушкинскаго «Каприза», т. е. разъясненіе и послѣдовательное раскрытіе того созерцанія, которое у Пушкина выразилось только какъ моментъ въ его «Капризѣ»...

Но Пушкинъ въ нашей литературѣ былъ единственный полный человѣкъ, единственный всесторонній представитель нашей народной физиономіи.

Горькое и безотрадное созерцаніе окружающей дѣйствительности, было для него не болѣе какъ моментомъ сознанія — и притомъ вовсе не такимъ моментомъ,

который бы выразился у него цѣлою рѣзкою полосою дѣятельности, въ родѣ лермонтовской, или во вредъ правдивому и прямому отношенію къ жизни. Какъ въ новостяхъ сороковыхъ годовъ, Пушкинъ — пусть его за отсутствіе односторонности и обвиняють поборники теорій въ равнодушіи и даже въ отступничествѣ, — былъ прежде всего художникъ, т. е. великая, на половину сознательная, на половину бессознательная сила жизни, «герой» въ карлейлевскомъ значеніи героизма — сила, которой размахъ былъ не въ одномъ настоящемъ, но и въ будущемъ... Ему было дано непосредственное чутье народной жизни и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни. Это — вопреки появившемуся въ послѣднее время мнѣнію, уничтожающему его значеніе какъ народнаго поэта, мнѣнію, родившемуся только вслѣдствіе знакомства нашихъ мыслителей съ народною жизнью изъ кабинета и по книгамъ, — неоспоримая истина, подтверждаемая и складомъ его рѣчи въ Борисѣ, Русалкѣ, Женихѣ,

утопленникѣ, сказкахъ о рыбакаѣ и рыбкѣ и о Кузьмѣ Остолопѣ, отрывкомъ о Медвѣдицѣ и т. д. и что еще важнѣе складомъ самага міросозерцанія въ «Капитанской дочкѣ», повѣстяхъ Бѣлкина и проч. Въ тѣ дни даже, когда муза его, по его выраженію, скакала за нимъ Ленорой при лунѣ по горамъ Кавказа, когда, какъ говоритъ онъ,

... я воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеаль,
И плѣнницъ береговъ
Сальгира...

когда образы плѣнника, Алеко, Гирея и другихъ мучениковъ страстей тѣснились въ его душу, эта чуткая душа удивительно вѣрно отзывалась на жизнь дѣйствительную, его окружавшую, и не смотря на то, что поэтъ встрѣчалъ еще овладѣвавшіе имъ образы дѣйствительности, полушутливымъ, полусерьѣзнымъ отвращеніемъ:

Тѣфу! прозаическія бредни
Фламандской школы
пестрый соръ...

умѣла въ этой самой дѣйствительности
обрѣтать своеобразнѣйшую поэзію. (Зима...
Что дѣлать намъ въ деревнѣ... Морозъ и
солнце... день чудесный... Долголь мнѣ
гулять на свѣтѣ... Грустно Нина... Путь мой
скучень... Бѣсы...) Не говорю объ образѣ
Татьяны, чисто русскомъ и до сихъ поръ
единственно-полномъ русскомъ женскомъ
образѣ, — Татьяны, которая

. . . . Русская душою
Сама не зная почему,
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму —

хоть муза поэта въ лицѣ ея и явилась

. . . . барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ
очахъ,

Съ французской книжкой въ
рукахъ...

не говорю о самомъ Онѣгинѣ, который хоть
вовсе и не

Москвичъ въ герольдовомъ
плащѣ,

но все таки русскій человѣкъ множествомъ
чертъ своей натуры... Все это еще надобно
разъяснить и доказывать — а я указываю
только на то, что не требуетъ
доказательствъ, на стремленіе къ
семейному началу, неожиданно
прорывающееся у того же поэта, который
начинаетъ романъ свой сатирическимъ или
по крайней мѣрѣ юмористическимъ
отношеніемъ къ этому началу («Родные
люди вотъ какіе» и множество другихъ
строфъ), стремленіе изобразить когда
нибудь

... простыя рѣчи
Отца иль дяди-старика,

Дѣтей условенныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у
ручейка...

Беру наконецъ Повѣсти Бѣлкина, Лѣтопись села Горохина, Капитанскую дочку, въ которой въ особенности поэтъ достигаетъ удивительнѣйшаго отождествленія съ возрѣніями отцовъ, дѣдовъ и даже прадѣдовъ, Дубровскаго, — въ которомъ одно только непосредственное чутье народной сущности, могло создать хоть бы ту черту на примѣръ, что кузнецъ, поджигающій равнодушно—сурово приказныхъ, лѣзетъ въ огонь спасать кошку, чтобы «не погибла Божія тварь»...

Что эти созданія и эти черты, приводимыя мною случайно, безъ выбора, — зерно всѣхъ прямыхъ отношеній нашей литературы къ народу и его быту, къ дѣдамъ нашимъ и прадѣдамъ, зерно «Семейной Хроники» на примѣръ и многихъ повѣстей Писемскаго, точно такъ какъ «Гробовщикъ» въ повѣстяхъ Бѣлкина,

зерно натурализма — едва ли может подлежать сомнѣнію.

Но тѣмъ не менѣе, чисто отрицательное созерцаніе жизни и дѣйствительности, является только какъ моментъ въ полной и цѣльной натурѣ Пушкина... Онъ на этомъ моментѣ не останавливается, а идетъ дальше, облакается самъ въ образъ Бѣлкина, но опять таки и на этомъ не останавливается. Отождествленіе съ взглядомъ отцовъ и дѣдовъ въ «Капитанской дочкѣ», выступаетъ въ поэтѣ вовсе не на счетъ существованія прежнихъ идеаловъ, даже не во вредъ имъ, ибо въ тоже самое время создаетъ онъ «Каменнаго гостя»...

Въ томъ-то и полнота и великое народное значеніе Пушкина, что чисто дѣйствительное, нѣсколько даже низменное воззрѣніе Бѣлкина, идетъ у него объ руку съ глубокимъ пониманіемъ и воспроизведеніемъ прежнихъ идеаловъ, тревожившихъ его душу въ молодости, не сопровождается отреченіемъ отъ нихъ...

Пушкинъ не западникъ, но и не славянофилъ, Пушкинъ русскій человекъ, какимъ сдѣлало русскаго человека соприкосновеніе съ сферами европейскаго развитія... Господа, отрицающіе значеніе Пушкина какъ народнаго поэта, постоянно указываютъ на одно: на нѣкоторыя фальшивыя стороны его Бориса, т. е. въ сущности на фальшивыя карамзинскія формы, которымъ даже и великій поэтъ подчинился какъ вся его эпоха, ибо фальшиво въ Борисѣ только карамзинское, т. е. личность самаго Бориса; все же чисто пушкинское (пиръ ли у Шуйскаго, сцены ли въ корчмѣ, сцены ли битвы, сцены ли на лобномъ мѣстѣ и т. д. у дѣвичьяго монастыря), вѣчно — какъ сама народная сущность, или поэтически и общечеловѣчески правдиво (какъ напримѣръ сцена у фонтана и т. д.) Не забудьте притомъ, что вопіющіе на фальшивость нѣкоторыхъ сторонъ Бориса, самыя эти стороны мѣрятъ еще не народнымъ созерцаніемъ, а новыми теоріями, смѣнившими литыя и блестящія

формы Карамзина. А новыя теоріи, пока онѣ только теоріи, точно также способны, какъ и карамзинскія литыя формы, вредить художественному представленію быта, что явнымъ образомъ выказалось въ блестящемъ произведеніи Мея: «Псковитянка», гдѣ такъ хорошо, такъ вполне народно псковское вѣче, созданное въ поэтической простотѣ концепціи, гдѣ такъ великолѣпно и вмѣстѣ правдиво ожиданіе грознаго Ивана Васильевича и первое его появленіе, и гдѣ такъ смѣшонъ этотъ Иванъ Васильевичъ, обнимающійся съ сыномъ и Борисомъ и разсуждающій о своихъ государственныхъ теоріяхъ совершенно по г. Соловьеву, гдѣ является чуть что не нѣжный и мягкосердечный Иванъ Васильевичъ, тотъ самый Иванъ Васильевичъ, записывавшій въ свое поминанье весьма большое количество невѣдомыхъ и безыменныхъ душъ, которыя «отдѣлалъ» палачъ Томило... «Ихъ же имена Господи ты вѣси» поэтому лучше ли бы было, если бы Пушкинъ создавалъ своего Бориса и по новѣйшимъ теоріямъ...

пока онѣ только теоріи. Карамзинскія формы часто фальшивы, но у Карамзина не было фальшивыхъ сочувствій и фальшивыхъ антипатій, т. е. сочувствій и антипатій такъ рѣзко расходящихся съ народной памятью, какъ рѣзко расходятся съ ней иногда теоріи нашего времени...

Вчитываясь внимательно въ пушкинскаго «Бориса» правильно вынести можно, кажется мнѣ, изъ такого чтенія и изученія, не сомнѣніе въ народномъ значеніи поэта, а скорѣе изумленіе передъ его удивительнымъ народнымъ чутьемъ и передъ величіемъ его геніальной силы... Борисъ, какъ и всѣ его драматическія попытки, писанъ очерками, а не красками, но эти очерки поразительны по своей правдѣ и красотѣ... Вѣроятно, поэтъ чувствовалъ, что красокъ настоящихъ взять ему еще не откуда или что такія краски совсѣмъ потерялись, да и не мудрено, что онѣ дѣйствительно совсѣмъ и навсегда затерялись въ той жизни, которая разрознилась со всѣми событіями своего прошедшаго, до того разрознилась, что

народъ у другого истиннаго народнаго писателя нашего говорить: «Эта Литва — она къ намъ съ неба упала» (въ «Грозѣ»). Фальшивыхъ же красокъ для расцвѣченія очерковъ, поэтъ нашъ, какъ поэтъ, употребить не хотѣлъ. Онъ хотѣлъ правды. Онъ даже и тамъ, гдѣ была полная воля его фантазіи, въ «Русалкѣ», также точно создавалъ только очерки... Но знаете ли вы, господа трактующіе о томъ, что Пушкинъ не народный поэтъ, какой могучей жизнью полны эти очерки?.. Русалку пытались ставить на сцену въ той формѣ, въ какой создалъ ее Пушкинъ. Попытка оказалась неудачною именно потому, что очерки въ полнотѣ своей слишкомъ сжаты, слишкомъ коротки для сценическаго осуществленія. Русалка съ сохраненіемъ ея пушкинскихъ формъ, цѣлости содержанія, и даже большей части божественныхъ стиховъ поэта, явилась на сценѣ оперою. Посмотрите же какъ либретто, т. е. поэма Пушкина, получивши краски, тѣло, сценическую продолжительность, давить своею

громадностью музыку, весьма впрочемъ замѣчательную во многихъ отношеніяхъ и принадлежащую высокому музыкальному таланту. Не одному мнѣ вѣроятно, а многимъ смотрящимъ и слушающимъ кажется по временамъ даже дерзостью попытка музыканта дать краски и тѣло этимъ очеркамъ!.. Каждая черта въ гениальной поэмѣ выдается рельефно во вредъ музыкѣ! И странное чувство овладѣваетъ вами; вы порой готовы досадовать на музыку, вы хотѣли бы слышать просто эти поэтическіе звуки, которые лучше и выше этой музыки, а между тѣмъ понимаете, что все поэтическое созданіе только очеркъ, что на сценѣ, только при пособіи *какихъ либо* красокъ, хотя и низшаго сравнительно съ рисункомъ достоинства, очеркъ этотъ можетъ быть какъ нибудь осуществленъ, сколько нибудь доступенъ для массы.

Но если высоко-артистическое чувство правды запрещало Пушкину употребленіе фальшивыхъ красокъ и заставляло его рисовать одними очерками, ничто не

удерживало другихъ, даже и не бездарныхъ, даже иногда и очень даровитыхъ людей его эпохи отъ употребленія этихъ фальшивыхъ красокъ, лишь бы только они были эффектны...

Эпоха, которую даже чуткій и въ художествѣ всегда почти прозорливый Бѣлинскій называлъ *романтически народною*, не только обманывала насъ, т. е. читателей, но добросовѣстнѣйшимъ образомъ сама себя обманывала. И причина такого самообманыванія заключалась не въ иномъ чемъ, какъ въ литыхъ формахъ Карамзина. Эпоха повѣрила въ эти формы, повѣрила въ правдивость карамзинской аналогіи, и ужасно обрадовалась своей вѣрѣ. Да и какъ было въ самомъ дѣлѣ не обрадоваться? Мы поймали тогда нашу бѣглянку — народность, мы поняли ее самымъ повидимому простымъ и притомъ совершенно *приличнымъ* образомъ, мы поняли ее въ цѣлой нашей исторіи; мы наивно вѣрили и тому напредѣръ, что «Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ трупами», и тому, что «отселѣ (отъ

Іоанна — не Івана, а Іоанна III), исторія наша приѣмлетъ достоинство истинно государственной» и проч. и проч., нисколько не замѣчая, какъ смѣшны эти величавыя фразы на первой очной ставкѣ съ лѣтописями и грамотами, или съ завѣщаніями самихъ князей, въ которыхъ понятія и языкъ гораздо ближе къ нынѣшнимъ понятіямъ и нынѣшнему языку, хоть бы купеческому, чѣмъ къ государственнымъ понятіямъ и къ офиціально-величавому языку... Надобно только припомнить дѣтскій восторгъ нашъ при появленіи Юрія Милославскаго... Не о восторгѣ читателей говорю я, а о восторгѣ судей цѣнителей. Въ самомъ серьезномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, въ Телескопѣ, по поводу втораго романа М. Н. Загоскина «Рославлевъ», явилась большая статья объ историческомъ романѣ вообще и наговорено было по поводу нашего историческаго романа множество самыхъ наивныхъ вещей о нашей народности.

Никому, рѣшительно никому не пришло въ голову объяснить дѣло просто, вліяніемъ

Вальтеръ–Скотта съ одной стороны и карамзинскихъ формъ съ другой.

Одинъ только Пушкинъ, не только какъ поэтъ, но какъ критикъ, понималъ настоящую «суть» дѣла, но высказывался не прямо, а косвенно и всегда необыкновенно удачно и тонко. Когда явился «Рославлевъ» М. Н. Загоскина, Пушкинъ написалъ свою критику подъ формою высоко–художественнаго, но къ сожалѣнію неполнаго разсказа, въ которомъ онъ возстановлялъ и настоящія краски и настоящее значеніе событія и эпохи, такъ жалко изуродованныхъ въ романѣ покойнаго Загоскина; но даже и эта тонкая, художественная критика стала извѣстна только послѣ его смерти... Онъ *молчалъ* о господствовавшемъ въ тридцатыхъ годахъ направленіи, а только самъ не впадалъ въ него, самъ употреблялъ краски единственно тогда, когда убѣжденъ былъ, что эти краски настоящія, какъ въ его «Арапъ Петра Великаго» или въ «Капитанской дочкѣ» и «Дубровскомъ»... Онъ молчалъ даже тогда, когда появлялись

талантливыя въ высокой степени попытки Лажечникова, молчалъ потому вѣроятно, что видѣлъ въ нихъ смѣсь талантности и даже подчасъ истинной художественности съ невообразимою фальшью. Когда мы всѣ восторгались «народными» разговорами въ романахъ Загоскина, онъ, въ высокой степени владѣвшій народною рѣчью (отрывокъ о Медвѣдицѣ), понимавшій глубоко и комическія пружины быта русскаго человѣка (Лѣтопись села Горохина), и трагическія (кузнецъ въ Дубровскомъ, «Емеля» въ Капитанской дочкѣ, пиръ Пугачева и т. д.), онъ ни разу не позволилъ себѣ написать какую либо повѣсть съ «народными» разговорами, ибо зналъ, что не пришло еще время, нѣтъ еще красокъ подъ рукою и не откуда ихъ взять, пока не послѣдуютъ его совѣту и не будутъ учиться русскому языку у московскихъ просвиренъ (примѣчанія къ Онѣгину); что рѣчь, которую выдавали за народную — не народная, а подслушанная у дворни, что чувства этою рѣчью выражаемыя фальшивы и т. д. Онъ, опять повторяю, только тамъ

писалъ красками, гдѣ зналъ краски, за то все что оставилъ онъ намъ писаннаго красками, вѣчно какъ народная сущность, будутъ ли это рѣчи Татьяниной няни и разсказъ ея о выходѣ замужъ, будутъ ли это рѣчи «Наташи» въ балладѣ «Женихъ», рѣчи дочери Мельника, въ которыхъ даже пятистопный ямбъ превращается въ складъ народнаго стиха... будутъ ли это народныя сцены въ Борисѣ... Все это вѣчно, все это также правдиво, какъ если бы написано было въ нашу эпоху Островскимъ, такъ полно знающимъ натуру русскаго человѣка, способъ его выраженія и т. д. Нѣтъ, это даже лучше чѣмъ Островскій, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ у Пушкина оно выражено рѣчью боговъ, т. е. стихомъ, лучше именно потому, что выражено «рѣчью боговъ», вырѣзано чертами на мѣди...

Способность отрицательная, способность видѣть фальшь и тактъ обходить всякую — не только фальшь, но малѣйшую неясность въ представленіи, обходить разумѣется только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ возможности воспроизвести правду — эта

способность составляетъ въ гениальныхъ мировыхъ силахъ столь же важное свойство, какъ и положительная ихъ сторона. Пушкинъ не могъ сочинять и выдумывать красокъ. Братъ на прокатъ чужія, по аналогіи, какъ Карамзинъ, онъ не могъ потому, что былъ несравненно болѣе Карамзина одаренъ всѣми духовными силами и стало-быть видѣлъ дальше его: братъ первыя попавшіяся краски изъ окружавшей его дѣйствительности, какъ вся его эпоха — онъ тоже не могъ по художнической добросовѣстности. Эта добросовѣстность простиралась въ немъ до того, что онъ напримѣръ, рисуя дочь Бориса, Ксенію, плачущую о своемъ женихѣ, выкинулъ повидимому превосходные стихи и замѣнилъ ихъ прозой съ русскимъ пѣсеннымъ складомъ — возможно простой, возможно-лишонной всякихъ украшеній («Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ» и т. д.) Вычеркнулъ сцену двухъ чернецовъ, повидимому тоже превосходную, но его какъ видно не удовлетворявшую, и не далъ въ

первомъ изданіи «Бориса», даже безукоризненную народную сцену у Дѣвичьяго монастыря, явившуюся только въ посмертномъ изданіи и только въ Анненковскомъ вошедшую въ составъ поэмы... Да! этотъ «барченокъ», писавшій по-французски (и надобно прибавить превосходно) свои замѣтки объ исторической драмѣ и о своемъ Борисѣ, свято чтить народъ, религіозно боялся солгать на народъ, на складъ его мышленія, чувства, на способъ его выраженія... Видно глубоко запали въ эту великую и воспріимчивую душу сказки няни Ирины Родіоновны.

И замѣчательно, что не только Пушкинъ, но всѣ его друзья отличались или положительнымъ, непосредственнымъ тактомъ народности, какъ Языковъ, въ особенности въ его великолѣпной драматической сказкѣ о Жарь-птицѣ, которая по языку и тонкости поэтической ироніи — совершенство; какъ Хомяковъ, который хотя и написалъ «Грѣхъ юности»... Ермака, но выкупилъ этотъ грѣхъ

нѣсколькими удивительными сценами «Дмитрія Самозванца» (въ особенности весь V актъ) — или безпощаднымъ отрицаніемъ всего фальшиваго, какъ Вяземскій и Одоевскій (не помню, которому изъ нихъ принадлежитъ выходка противъ изображеній предковъ съ кучеровъ ихъ потомковъ).

Наиболѣе безпощадный въ отрицаніи изъ друзей Пушкина, наиболѣе способный ясно видѣть всякую фальшь и смѣло назвать ее фальшью, былъ конечно благородный и глубокомысленный авторъ философскихъ писемъ П. Я. Чаадаевъ, строгій, послѣдовательный, безукоризненно-честный мыслитель — столь же безтрепетный передъ крайностями той мысли, которая казалась ему правдой, какъ передъ ударами и шутками судьбы, хотя бы удары ея были удары немаловажные, а шутки — печальныя шутки!

II

Чтобы понять значеніе Чаадаевского отрицанія въ ту эпоху и самое значеніе ея для послѣдующаго процесса нашего сознанія — необходимо разъяснить, что именно разбито было отрицаніемъ.

Карамзинскія литыя формы, принятыя на вѣру «романтически-народною» эпохою, разлившіяся на огромное количество историческихъ драмъ, въ которыхъ кобенились Минины и хвастали Ляпуновы, и историческихъ романовъ съ изображеніями предковъ, снятыми прямо съ кучеровъ ихъ потомковъ, — формы, тяготѣвшія надъ эпохою даже и тогда, когда она думала съ ними бороться (въ лицѣ Полеваго), образовывали извѣстное миросозерцаніе, давали извѣстное слово для объясненія нашей сущности, нашей народности...

Какъ только слово это признано было фальшивымъ словомъ правдивою отрицательною натурою, оно стало для нея ненавистнымъ и враждебнымъ какъ всякая ложь. Чаадаевъ, какъ теоретикъ, не понялъ

только одного, что сама народность нисколько не виновата въ ея фальшивыхъ представленіяхъ.

Не поняла этого и вся его школа, т. е. западничество. Совершенно правый въ отрицаніи фальшивыхъ представленій о нашей народности, взглядъ Чаадаева не могъ остановиться на одномъ этомъ отрицательномъ пунктѣ. вмѣсто того чтобы сказать какъ аналитикъ: «Русская жизнь какъ и русская исторія не подходятъ подъ тѣ рамки общеевропейской жизни и общеевропейской исторіи, подъ какія подвель ихъ Карамзинъ: слѣдуетъ поэтому поискать въ русской жизни и въ русской исторіи особенныхъ свойствъ и законовъ, на основаніи которыхъ выведены будутъ или положительныя различія, или болѣе правильныя аналогіи съ европейской жизнью и европейской исторіей», — Чаадаевъ прямо сказалъ, что въ нашей жизни и исторіи нѣтъ никакой аналогіи съ общечеловѣческимъ, законнымъ развитіемъ, что мы какіе-то илоты, выбранные судьбою для указанія: что

можетъ быть съ племенами отпадшими отъ цѣлости, отъ единства съ человѣчествомъ.

Но обвинять Чаадаева за его выводъ можно только въ увлеченіи слѣпого фанатизма; требовать отъ него спокойнаго разъясненія вопроса, который былъ для него не мозговымъ а сердечнымъ вопросомъ, могло развѣ одно тупоуміе «Маяка» и другихъ мрачныхъ изданій, въ его время впрочемъ и не существовавшихъ.

Помимо того обстоятельства, что для Чаадаева идея единства человѣчества облечена была въ красоту и величіе католицизма, которыми увлекся онъ тѣмъ сильнѣе, что человѣкъ съ жаждою вѣры, онъ воспитаніемъ своимъ былъ совершенно разъобщенъ съ бытомъ своего народа, такъ сказать, прельщенъ католицизмомъ и его идеалами — какъ вообще нѣкоторые изъ людей его сословія нерѣдко бывали и доселѣ еще бываютъ «прельщены» даже въ наше время; помимо, говорю я, этого чисто-личнаго и сословнаго обстоятельства, онъ, какъ натура правдивая и честная, былъ глубоко возмущенъ тѣми послѣдствіями,

которыя вытекали изъ блестящихъ фальшивыхъ формъ Карамзина, міросозерцаніемъ «романтически-народной эпохи...» Удержаться въ границахъ какъ Пушкинъ, онъ не могъ: онъ обладалъ только отрицательной стороною пушкинскаго духа, а не носилъ въ себѣ, какъ нашъ великій поэтъ, непосредственнаго чутья народности.

Міросозерцаніе же «романтически-народной эпохи», какъ только литыя карамзинскія формы размѣнялись на мелочь историческихъ романовъ и историческихъ драмъ, оказывалось или дѣтски-смѣшнымъ и жалкимъ, или даже оскорблявшимъ всякое, на извѣстной высотѣ стоявшее сознание и всякое правильно воспитавшееся человѣческое чувство.

Дѣятели этой эпохи — наиболее пользовавшіеся успѣхомъ въ массѣ публики, за исключеніемъ блестяще-даровитаго и энергическаго Марлинскаго, которому только недостатокъ *мѣры* и вкуса препятствовалъ быть однимъ изъ

замѣчательнѣйшихъ писателей — были М. Н. Загоскинъ, Н. А. Полевой, И. И. Лажечниковъ и впоследствии Н. В. Кукольникъ.

М. Н. Загоскинъ, какъ человекъ — одно изъ отраднѣйшихъ явленій нашего стараго быта, натура въ высшей степени нѣжная и добродушная, хотя и ограниченная — пользовался какъ романистъ успѣхомъ — въ наше время и съ нашей точки зрѣнія совершенно невѣроятнымъ и необъяснимымъ... Что можетъ быть безцвѣтнѣе и сахарнѣе по содержанию, смѣшнѣе и жалостнѣе по выполненію, ходульнѣе и вмѣстѣ слабѣе по представленію грандіозныхъ народныхъ событій, — «Юрія Милославскаго»? Вѣдь этой книги въ наше время и дѣтямъ право давать не слѣдуетъ, чтобы не испортить ихъ вкуса! Непроходимая пошлость всѣхъ чувствъ, даже и патріотическихъ, фамусовское благоговѣніе передъ всѣмъ существующимъ — даже до кулака, восторженное умиленіе передъ тѣми сторонами стараго быта, которыя были

недавно и правдиво казнены великимъ народнымъ комикомъ Грибоѣдовымъ, не китайское даже, а звѣрское отношеніе ко всему не русскому, безъ малѣйшаго знанія настоящаго русскаго, рѣчь дворовой челяди вмѣсто народной рѣчи, съ прибавкою нѣсколькихъ выраженій, подслушанныхъ у ямщиковъ на станціяхъ — вотъ черты другого его романа «Рославлевъ», романа, который будетъ впрочемъ безсмертенъ по безсмертному отрывку Пушкина. Чѣмъ дальше шолъ покойный Загоскинъ въ своей дѣятельности, чѣмъ больше писалъ онъ, тѣмъ все ярче и ярче выступали въ произведеніяхъ его черты невѣжественнаго барства и умиленія передъ пошlostью добраго стараго времени...

Когда это старое время являлось подъ могучею кистью художника какъ Пушкинъ, художника, сочувствовавшаго ему вполнѣ, даже до аристократической гордости, выразившейся въ «Родословной», но изображавшаго его объективно спокойно, безъ любимой доктрины, оно не возбуждало ненависти и негодованія. Не

возбудило оно также ненависти, когда «Семейная хроника» Аксакова изобразила его какъ живое, съ полной свѣжестью красокъ и во всѣхъ подробностяхъ... Но всѣмъ тѣмъ, которые въ наше время не поймутъ уже благородной рѣзкости Чаадаева, ненависти Бѣлинскаго и послѣдовательности западниковъ, можно посоветовать прочесть или перечесть романы покойнаго Загоскина.

Да! если бы народность наша была тѣмъ, чѣмъ является она въ этихъ произведеніяхъ, она не стоила бы того, чтобы о ней серьезно и думать — ибо это была бы народность фамусовыхъ, «Маяка» и «Домашней Бесѣды»...

Странное дѣло, что хотя и карамзинскія формы представленія народности послужили исходнымъ пунктомъ дѣятельности покойнаго М. Н. Загоскина, но было бы крайнею несправедливостью въ отношеніи къ великому человѣку, каковъ былъ Карамзинъ, считать его виноватымъ въ этой дѣятельности. Марѳа Посадница Карамзина, не смотря на ходульность и

ложь — имѣть въ себѣ что-то
человѣческое и благородное, и при всемъ
отсутствіи пониманія народности, не
клеветать такъ на народъ, какъ сцены въ
Нижемъ «Юрія Милославскаго» или
сцены въ Москвѣ 1812 г. «Рославлева»...
Даже то сентиментальное и смѣшное что
есть въ «Натальѣ, боярской дочери», не
такъ оскорбляетъ чувство, какъ объясненія
Юрія съ Анастасіей послѣ ихъ внезапнаго
бракосочетанія, отчего, какъ отъ фальши,
краснѣешь невольно по народному чувству
точно также, какъ краснѣешь по изящному
или нравственному чувству отъ различныхъ
водевилей Александринской сцены...

А вѣдь это все выдаваемо было намъ за
народность! Всѣмъ этимъ хотѣли намъ
сказать, что вотъ такъ-де скать русскій
человѣкъ вѣритъ, любитъ, дѣйствуетъ...
Бѣдный русскій человѣкъ! Его показывали
намъ или нравственнымъ евнухомъ или
дворовымъ скоморохомъ — или Юріемъ
Милославскимъ или Торопкой
Голованомъ!..

Да не обвинять меня въ излишнемъ, несвоевременномъ озлобленіи на такой способъ представленія народности... Я пишу не о Загоскинѣ въ частности, который былъ человѣкъ безспорно даровитый и какъ многіе люди конца XVIII и начала XIX вѣка, гораздо болѣе замѣчательный, чѣмъ его произведенія; я пишу о томъ направленіи, которое вызвало (и не могло не вызвать) сильное и энергическое противодѣйствіе западничества, противодѣйствіе такихъ великихъ въ исторіи нашего развитія дѣятелей, каковы были Чаадаевъ, Бѣлинскій, Грановскій и нѣкоторые другіе. У Загоскина, тамъ гдѣ онъ пишетъ безъ претензій на доктрину, есть вещи наивныя, восхитительно-милыя, весело-добродушныя, даже — что удивительно въ особенности, — человѣчески-страстныя (разсказъ о молодости героя въ Искусителѣ). У него былъ и комическій талантъ, небольшихъ конечно размѣровъ — и добродушный юморъ, и жаръ увлеченія, и даже пожалуй своего рода поэтическая манера, но дѣло —

повторяю — вовсе не въ немъ, а въ его направленіи, въ его взглядѣ на жизнь, въ его представленіи народности.

Взглядъ на народность Полеваго имѣлъ одно только отрицательное значеніе. Какъ только обстоятельства заставили его обратиться къ положительной сторонѣ, эта положительная сторона явилась у него еще болѣе пошлою, чѣмъ у Загоскина. Въ эпоху же письма Чаадаева, отрицательная дѣятельность Полеваго только что кончилась; положительная же еще не начиналась... Его историческія повѣсти (Симеонъ Кирдянха) и романъ (Клятва при гробѣ Господнемъ), производили только много шуму при своемъ появленіи, но въ сущности не давали ничего опредѣленнаго и только дразнили, какъ все отрицательное.

Положительная сторона пониманія народности высказывалась только въ Загоскинѣ.

Я сказалъ уже, что положительная сторона эта была послѣдствіемъ карамзинскихъ формъ, но поспѣшилъ оговориться, что она стояла несравненно

ниже этихъ формъ, ниже и въ своихъ общественныхъ и даже въ своихъ нравственныхъ стремленіяхъ. Общественныя стремленія этой высказавшейся тогда положительной стороны, рѣшительно нельзя назвать иначе какъ фамусовскими съ одной стороны, и бурачковскими съ другой.

Представьте себѣ русскій бытъ и русскую исторію съ точки зрѣнія Павла Аѳонасьевича Фамусова и «Маяка» или «Домашней Бесѣды»; вы получите совершенно вѣрное, нисколько даже не карикатурное понятіе о взглядѣ загоскинскаго направленія на бытъ предковъ и бытъ народа. Любовь къ застою и умиленіе передъ застоємъ, лишь бы онъ былъ существующимъ фактомъ, китаизмъ и исключительность въ пониманіи народнаго развитія, взглядъ на всякій протестъ какъ на злодѣяніе и преступленіе, *vae victis* (горе побѣжденнымъ) проведенное повсюду, признаніе заслуги въ одной покорности, оправданіе возмутительнѣйшихъ явленій стараго быта,

какое-то тупо-добродушное спокойствіе и достолюбезность въ изображеніи этихъ явленій (Кузьма Петровичъ Мирошевъ), — вотъ существенныя черты загоскинскаго общественнаго взгляда, взгляда съ исторической точки зрѣнія весьма важнаго, интереснаго и поучительнаго, тѣмъ болѣе, что онъ высказывался въ дѣятельности одного изъ любимѣйшихъ писателей, одного изъ благороднѣйшихъ людей...

Знаю, что ужасъ и пожалуй негодованіе возбудить мой рѣзкій взглядъ на дѣятельность Загоскина во множествѣ людей, которыхъ благороднымъ стремленіямъ, не во всемъ соглашаясь съ ними, многіе глубоко сочувствуютъ, — въ славянофилахъ... Славянофилы почему-то причисляютъ Загоскина къ своимъ. Но вѣдь они причисляютъ къ своимъ же и адмирала Шишкова — а отъ адмирала Шишкова (какъ писателя, а не какъ чловѣка конечно), до г. Бурачка съ его «Маякомъ» и даже «Домашней Бесѣды» одинъ только шагъ!.. Загоскинъ, опять повторю, былъ лицо достойное полнаго уваженія, но что же

общаго въ его общественномъ и нравственномъ взглядѣ съ взглядомъ Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ и другихъ истинныхъ представителей славянофильства... Для славянофиловъ «народъ» былъ вѣрованіемъ, для нихъ народъ былъ, по выраженію Аксакова (К. С.), «величайшимъ художникомъ, поэтомъ» и даже мыслителемъ (что впрочемъ они не договаривали), народъ, въ драмѣ-лѣтописи Аксакова «Освобожденіе Москвы» являлся единственнымъ героемъ и всѣ другіе дѣятели ставятся на высшій или низшій пьедесталъ по степени большей или меньшей безличности, отождествленія съ народомъ... Для Загоскина же и того направленія, котораго онъ былъ даровитѣйшимъ представителемъ въ литературѣ, въ народѣ существовало одно только свойство — смиреніе. Да и притомъ самое смиреніе вовсе не въ славянофильскомъ смыслѣ, смыслѣ полнѣйшей *общинности* и *законности* — а въ смыслѣ простой бараньей покорности всякому существующему факту. Стоитъ

только припомнить напимѣрь, съ какою безцеремонностью изображаетъ въ «Брянскихъ лѣсахъ» покойный романистъ Андрея Денисова и его клеветовъ; изображеніе это нисколько не уступаетъ лубочнымъ изображеніямъ въ промышленныхъ романахъ г. Масальскаго, нисколько не выше ихъ по безпристрастію, только гораздо наивнѣе... А между-тѣмъ мы въ недавнія времена видѣли весьма странное явленіе, видѣли какъ даровитый и добросовѣстный Щедринъ повелъ было комически разсказъ о Марѣ Кузьмовнѣ и другихъ прикосновенныхъ къ ея дѣлу лицахъ, доводящихся нѣсколько съ родни по нисходящей линіи лицамъ изображеннымъ нѣкогда г. Загоскинымъ и г. Масальскимъ, — а закончилъ разсказъ, можетъ быть, помимо воли своей и желанія вовсе ужъ не комически. Такъ какъ же намъ теперь-то, во времена болѣе правильныхъ отношеній къ народности, смотрѣть на общественныя стремленія того направленія, котораго Загоскинъ былъ представителемъ, иначе нежели я

вынужденъ былъ взглянуть съ исторической точки зрѣнія, иначе чѣмъ Чаадаевъ взглянулъ нѣкогда съ точки зрѣнія своихъ идеаловъ и своихъ вѣрованій?..

Еще разъ: если бы такова была наша народность съ ея бытомъ и исторіею, какой является она во взглядѣ этого направленія, Чаадаевъ былъ бы совершенно правъ во всѣхъ беспощадныхъ послѣдствіяхъ своей мысли. Право было бы совершенно и западничество.

Загоскинъ же, первый выдвинулъ своею дѣятельностью «семейное начало», эту альфу и омегу нравственной пропаганды славянофильства. Опять таки, прежде всего — эта альфа и омега у славянофиловъ вовсе не то, что у Загоскина, но въ настоящую минуту я имѣю дѣло съ пониманіемъ семейнаго начала тѣмъ направленіемъ, котораго литературнымъ представителемъ былъ Загоскинъ. Это пониманіе вызвало, шутка сказать! оппозицію литературы сороковыхъ годовъ, литературы специально отрицавшей и

спеціально подрывавшей семейное начало, оппозицію которой не возбудили же ни пониманіе Пушкина (въ повѣстяхъ Бѣлкина, Капитанской дочкѣ, Дубровскомъ и множествѣ отрывковъ), ни пониманіе Аксакова (въ Семейной хроникѣ), ни пониманіе Островскаго во второй, чисто-положительной полосѣ его дѣятельности (Бѣдная невѣста, Не въ свои сани, Бѣдность не порокъ, Не такъ живи какъ хочется), а если временно и возбуждали (какъ напримѣръ Островскій, на счетъ котораго еще до сихъ поръ не успокоились С. Петербургскія Вѣдомости), то только по старымъ враждамъ и ненавистямъ къ пониманію загоскинскому.

Это же пониманіе, теперь только смѣшное, могло дѣйствительно возбудить оппозицію фанатически-враждебную и слава Богу, что возбудило такую оппозицію. Девизъ этого пониманія былъ тотъ же что и девизъ пониманія общественнаго: умиленіе передъ тупою покорностью, стало быть — *eo ipso* — совершенно спокойное отношеніе ко

всякому самодурству... Не народности, а татарщины искало въ нашемъ быту это пониманіе. Не надобно упускать изъ виду еще и того обстоятельства, что нашей «романтически–народной эпохѣ» дань былъ толчокъ извнѣ Европою въ лицѣ Вальтера Скотта, какъ впоследствии нашей *пейзанской* литературѣ былъ дань толчокъ тоже извнѣ, романами Занда. Великій шотландскій романистъ или какъ звали его въ ту эпоху шотландскій бардъ, что грѣхъ таить? своимъ личнымъ міросозерцаніемъ, весьма приходился по плечу въ тѣ времена. Всѣ мы читали его, всѣ мы зачитывались имъ, но конечно до смѣлой и правдивой статьи о немъ Карлейля не смѣли бы даже доселѣ подумать отнять у него званіе великаго «поэта», а еслибъ и посмѣли, то это вышло бы также дико и неловко заносчиво, какъ наше отреченіе отъ Гюго и Бальзака. Теперь же можно смѣло да и впору сказать, что великая объективность шотландскаго историка–романиста постоянно выше его міросозерцанія, крайне мѣщанскаго и узкаго, по скольку это

міросозерцаніе выражается въ его любимыхъ герояхъ и героиняхъ... Мы и прежде конечно чувствовали, что насъ увлекаетъ въ Вальтеръ Скоттѣ высокая объективность изображенія, а вовсе не его герои (за исключеніемъ немногихъ) не лица, которымъ онъ явно симпатизируетъ, скорѣе даже именно тѣ лица, которыя являются у него *грѣшными* лицами. Напомню читателямъ для ясности дѣла три его романа, — будетъ и этихъ, потому что ихъ они вѣроятно читали, — именно: *Айвенго*, *Преданіе о Монрозѣ* и *Морского разбойника*. Айвенго самъ на примѣръ, отнимите только у него поэзію западнаго рыцарства, выйдетъ пошль какъ Юрій Милославскій, равно какъ и Леди Ровена, его возлюбленная, скучна своею добродѣтелью до какой-то *raideur*, до чопорности. Весь интересъ вашъ, сильно возбуждаемый обстановкой шотландскаго быта, рыцарскихъ турнировъ и проч., прикуется нравственно къ жиду и его дочери, да къ грѣшному и страстному храмовнику, которому предпочесть Айвенго

прелестная Ребекка могла только по добродѣтели автора... Въ «Преданіи о Монтрозѣ» вы полюбите всей душою оригинальнѣйшую фигуру сэра Далджетти и прикуетесь невольно къ мрачному образу Оллена Макъ Олея, такъ удивительно отбѣняющему свѣтлый очеркъ Аннеты Ляйль, а о существованіи достопочтеннаго юнаго джентльмена Лорда Ментейта совсѣмъ даже и забудете. Въ «Морскомъ разбойникѣ», этомъ интимнѣйшемъ произведеніи великаго романиста, этомъ живомъ до малѣйшихъ подробностей изображеніи особеннаго мірка шетлендскихъ острововъ, — мірка воспроизведеннаго во всѣхъ его комическихъ и грандіозно-фантастическихъ особенностяхъ, вы увлечетесь живой дѣйствительностью, чуть что неосязаемой, а интересъ вашъ прикуется опять таки не къ добродѣтельному юношѣ Мертену и безкровной Бланкѣ, а къ грѣшному капитану Клевеленду и къ поэтической Миннѣ, да къ сѣдой полусумасшедшей

старухѢ НорнѢ, заклинательницѢ стихій и вѣтровъ...

Если бы великой объективности — объективности притомъ въ изображеніи цѣлаго міра чудесъ, міра роскошной западной жизни да этихъ грѣшныхъ и страстныхъ, или грѣшныхъ и комическихъ фигуръ не было у Вальтеръ Скотта, его бы давно бросили читать какъ романы Загоскина...

Представьте же мѣщанство Вальтеръ Скоттовскаго семейнаго созерцанія, пренесенное на скудную и однообразную почву не русскаго, а русско-татарскаго быта; представьте талантъ съ самою малою степенью объективности, талантъ владѣющій только однимъ качествомъ — наивностью и даже не читавши, или не перечитывавши Загоскина, вы легко выведете послѣдствія... Пошлость, пошлость и пошлость одолѣетъ васъ, и изъ всей этой апотеозы тупой семейной покорности выведете вы логически только одно — необходимость ранняго появленія комизма въ нашемъ развитіи,

необходимость бича кантемировскаго и фонь-визинскаго на тупоуміе и ханженство, пламенно лирической сатиры Грибоѣдова на хамство, скорбнаго и безпощаднаго смѣха Гоголя надъ всякой ложью, общественной ли (Ревизоръ, Утро дѣловаго человѣка), или семейной (отрывокъ), глубоко ли захватывающаго спокойнаго представленія самодурства во всѣхъ родахъ его и видахъ Островскимъ... поймете всѣ крайности оппозиціи литературы сороковыхъ годовъ, болѣзненные вопли натурализма изъ темныхъ и невѣдомыхъ міру угловъ, безтрепетную анатомію романа «Кто виноватъ», ожесточеніе до пѣны у рта Бѣлинскаго...

А прежде всего вы поймете значеніе чаадаевскаго письма и великое значеніе западничества, со всѣми его послѣдствіями, въ нашемъ развитіи.

III

Письмо Чаадаева не вдругъ и не прямо принесло всѣ свои плоды. Первоначально, оно надѣлало только шуму и скандалу своими страшно–рѣзкими положеніями, и только черезъ пять лѣтъ отдалось въ нашемъ умственномъ сознаніи рядомъ явленій, связанныхъ одною мыслью, бывшихъ результатомъ одного процесса... И понятно, что школа, доктрина образовалась не вдругъ, равно какъ понятно и то, что доктрина провела мало по малу всѣ рѣзкія положенія, высказанныя заразъ смѣлымъ теоретикомъ, но провела ихъ совершенно изъ другихъ основъ. Основа Чаадаева былъ католицизмъ, основою западничества стала философія.

Дѣло шло постепенно... Въ самой эпохѣ, присвоившей себѣ тогда названіе «романтически–народной», были уже элементы разложенія. Я разсмотрѣлъ одну сторону ея — направленіе, которое искреннѣйшимъ образомъ выразилось въ Загоскинѣ и его дѣятельности...

Въ отрицательныхъ стремленіяхъ Полеваго, не смотря на то, что стремленія

эти не выразились ни въ какихъ опредѣленныхъ формахъ, заключался уже однако протестъ противъ господствовавшаго тогда взгляда на народъ, на его быть и исторію. Протестъ этотъ шевелилъ нѣсколько умы, имѣлъ не смотря на свою безосновность съ одной стороны, и на свою наглую заносчивость съ другой, достаточное количество приверженцевъ. Отъ этого протеста ждали чего-то, ждали въ особенности умы молодые и притомъ мало знакомые съ наукой, умы, которые и учиться-то собственно начали по *Телеграфу* Полеваго... Дождались въ послѣдствіи «Купца Иголкина» и «Параши Сибирячки», но именно этихъ-то послѣдствій никакъ не ожидали и тѣмъ менѣе могли ихъ предвидѣть... Ожиданіе не было разочаровано даже появленіемъ исторіи русскаго народа и романа «Клятва при гробѣ Господнемъ». Полевой былъ самоучка, Полевой былъ человѣкъ народа, и самоучки, изъ которыхъ бльльшею частью состояла тогда наша публика, охотно прощали ему и пробѣлы его наскоро

нахватаннаго образованія и его самохвальство, за что-то таинственное въ будущемъ, чего отъ него ожидали... Надобно сказать, что неумѣренный, можно сказать неблагопристойный тонъ антагонистовъ Полеваго, даже ученѣйшихъ и даровитѣйшихъ, каковы были Надеждинъ и Погодинъ, много содѣйствовалъ тому, что сочувствіе большинства читателей было на сторонѣ Полеваго. Совершенно правые въ разоблаченіи безосновности и наглости отрицанія Полеваго, противники его были неправы въ томъ, что не видали необходимости отрицанія карамзинскихъ формъ пониманія быта и исторіи народа, стояли за эти формы какъ за какую-то неприкосновенную святыню, когда явнымъ образомъ сознаніе этими формами уже не удовлетворялось, когда эпоха явно искала чего-то иного, искала тревожно и встрѣчала сочувствіемъ отрицательныя стремленія. Они сами, какъ тогда такъ и впослѣдствіи, ревностные поборники народности, не могли и не хотѣли понять, что протестъ и протестъ законный заявлялъ

себя въ самомъ названіи своей исторіи Полевымъ «исторією русскаго народа.» Они, даже нѣсколько недобросовѣстно, увлеченные враждою къ Полевому и пристрастіемъ къ старому идолу, видѣли даже и въ этомъ названіи одинъ расчетъ, одну спекуляторскую продѣлку, такъ какъ оно несомнѣнно родилось подъ вліяніемъ духа протеста... Полевой владѣлъ безспорно чуткостью и отзывчивостью на вопросы своего времени, чуткостью и отзывчивостью замѣчательными, и для того, чтобы быть истинно великимъ дѣятелемъ въ исторіи нашего развитія, ему недоставало одного только — глубокаго и пламеннаго убѣжденія. Онъ угадалъ, что эпохѣ нужно было отрицаніе, но не пошолъ смѣло за эпохою, какъ пошолъ смѣло Бѣлинскій и потому не овладѣлъ эпохою, какъ овладѣлъ ею Бѣлинскій...

Эпоха не была народною, но за то дѣйствительно была вполнѣ «романтической», т. е. эпохою чаяній, тревожныхъ порываній къ чему-то, броженія силъ и даже безцѣльной траты

ихъ... Три высокихъ таланта были жертвами этого броженія и этой безцѣльной траты силъ: Марлинскій, Полежаевъ, Мочаловъ... Это было можетъ быть то въ нашемъ развитіи, что у нѣмцевъ такъ называемый *Sturm und Drang Periode*, періодъ разбойниковъ Шиллера, драмъ Клингера и безобразной жизни юнаго Гёте съ другомъ его Веймарскимъ герцогомъ — только по нашему болѣе живому характеру, несравненно сильнѣе и нелѣпѣе. У нѣмцевъ иное дѣло мысль, а иное дѣло жизнь: Кантъ и Гегель были самыми спокойными гелертерами, даже въ нѣкоторомъ отношеніи филистерами: мужество и старость Гёте не похожи были на его юность, и изъ всего кружка этихъ буйныхъ юношей только одинъ Мефистофель Меркъ кончилъ самоубійствомъ, да Шиллеръ рано умеръ, «съ горя, что онъ нѣмецъ», какъ выражался одинъ оригинально-умный російскій циникъ. Но у насъ романтизмъ и тревога отражались въ цѣлой жизни лицъ и даже поколѣній, ложившихся въ могилу такими же, какими были въ колыбели. Мы

свято вѣрили въ то, что для нашихъ старшихъ на пути развитія братій было только броженіемъ умственнымъ и прямо, нисколько не колеблясь, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, переводили въ жизнь идеи, часто даже плохо ихъ переваривши...

Колоссальные замыслы, тревожные сны и — въ дѣйствительности — паденіе въ грязь цинизма какъ Полежаевъ, или въ совершенно пустыя пространства какъ Марлинскій, донъ-кихотство принимавшее не разъ восточную и притомъ татарскую фізіогномію, истощеніе жизненныхъ силъ не въ борьбѣ, а въ праздномъ дилетантизмѣ, въ праздной игрѣ жизнью, вотъ что отличало въ эту эпоху природы дѣйствительно могучія. Но болѣзнь напряженности нравственной распространялась какъ зараза и не одни могучія природы ей подвергались, а всѣ природы скольконибудь впечатлительныя, хотя и слабыя. На ихъ долю выпадала ходульность и потомъ паденіе въ пошлость жизни, въ пошлость созерцанія жизни...

Странно, что Полевой, одинъ изъ блестящихъ двигателей эпохи — подвергся послѣдней участи, и самъ засвидѣтельствовалъ ее въ знаменитомъ эпилогѣ своего романа: «Аббадонна».

Въ романтизмѣ этой эпохи именно нужно различить два направленія. Одно зявляло себя могучими силами, необузданными стремленіями, колоссальными замыслами и давало подчасъ свидѣтельства очевидныя и несомнѣнныя присутствія въ себѣ такихъ свойствъ. Литературно выразилось оно въ Полежаевѣ и Марлинскомъ. Другое постоянно напрягалось и падало въ смѣшное или пошлое, какъ Полевой и Кукольникъ. Первое направленіе само себя разрушало, само себя сжигало, но сжигало какъ фениксъ, возродилось яркимъ, хотя быстро промелькнувшимъ явленіемъ, явленіемъ Лермонтова, ибо всѣ тѣ элементы, которые тревожно и часто безобразно бушевали и бродили въ геніальныхъ проблескахъ Полежаевского таланта, въ Амалать Бекѣ, Красномъ Покрывалѣ, даже Мулла–Нурѣ и Вадимовѣ

Марлинскаго, получили цѣлость и гармонію въ немногихъ оставшихся намъ созданіяхъ великаго, рано похищеннаго у насъ рокомъ поэта — и нѣтъ поводовъ думать, чтобы элементы эти закончили совсѣмъ свое дѣло, чтобы они вновь не возродились въ иномъ великомъ поэтѣ. Они были и въ Пушкинѣ, но онъ держалъ стихіи въ рукахъ какъ великій заклинатель: они составляютъ существенныя наши свойства и лишать насъ ихъ можетъ только развѣ то направленіе мысли, которое на всякій протестъ и на всякую страстность смотритъ какъ на зло и преступленіе.

Другое направленіе романтизма выразилось въ литературѣ нашей исключительно кажется для того, чтобы надъ нимъ, какъ надъ всѣмъ ложнымъ, посмѣялся своимъ горькимъ смѣхомъ Гоголь, да развѣ для того еще, чтобы оппозиціи западничества, враждебно боровшейся съ мракобѣсіемъ самодурства и тупоумной покорностью — было надъ чѣмъ позабавиться. Какъ ложь оно исчезло безъ слѣда, и съ своими непонятыми поэтами

Рейхенбахами, кончающими свои похождения мѣщанскимъ благополучіемъ во вкусѣ Августа Лафонтена и съ своими итальянскими художниками и импровизаторами, заговаривающимся до «младенческой», со всѣми своими бурями въ стаканѣ воды... Въ сущности, говоря серьёзно, всѣ эти Рейхенбахи, Тассы, Доменикины, Нино–Галлури съ ихъ «разгулами жизни» и съ аркадскими сценами плетенія корзинокъ для пастушекъ — содѣйствовали къ отрезвленію нашему отъ всего «напущеннаго» на нас и возбудили въ литературѣ не только горькій смѣхъ Гоголя, но спокойную и здоровую оппозицію здраваго смысла и житейскаго такта, оппозицію, заходившую иногда и за границы въ сухо–резонерныхъ постройкахъ произведеній яркаго таланта г. Гончарова, въ слишкомъ низменномъ подчасъ уровнѣ жизненнаго взгляда, выражающагося въ крѣпко–дѣйствительныхъ произведеніяхъ г. Писемскаго; въ крайностяхъ того психическаго анализа, которымъ такъ сильны и такъ совершенно новы рассказы

гр. Толстаго... Ложь на дѣйствительность, ложь ничѣмъ не оправдывавшаяся, ни искренностью странныхъ порывовъ, ни броженіемъ могучихъ силъ, ложь безсильная и потому смѣшная, вызвала требованіе правды въ изображеніи дѣйствительности, правды во что бы то ни стало, хотя бы сухо-практической и разсудочной, стало быть односторонней (Обыкновенная исторія), хотя бы низменно и даже подчасъ пошло житейской (Тюфякъ, Бракъ по страсти) — хотя бы неумолимой и погрязающей въ безвыходномъ анализѣ, приводящемъ въ концѣ концовъ къ апатіи (Толстой).

Между тѣмъ это самое направленіе безсильное и бесплодное, обязанное какимъ либо значеніемъ только оппозиціи имъ возбужденной, это направленіе устремляется тоже на русскій бытъ, на русскую исторію, на русскую народность.

И вотъ въ чемъ была ошибка западничества. Мрачную доктрину добродушнаго Загоскина считало оно за народное созерцаніе: клеветы на народность

драмъ Кукольника и Полеваго за выраженіе народности...

Хотя нѣсколько и смѣшно по поводу драмъ Полеваго и Кукольника говорить о судьбѣ нашей исторической драмы, но когда припомнимъ эти факты еще не слишкомъ давніе, факты не болѣе какъ лѣтъ за пятнадцать назадъ и даже еще менѣе, подававшіе поводъ къ толкамъ весьма серьезнымъ о невозможности русской исторической драмы, о недостаткѣ драматизма въ самой нашей исторіи и бытѣ; когда подумаемъ, что и въ настоящую минуту этотъ вопросъ далеко еще не рѣшенъ и по временамъ рѣшается еще по старому, — необходимость остановиться нѣсколько на драматической дѣятельности покойнаго Полеваго и г. Кукольника, равно какъ и вообще на фальшивомъ направленіи отъ нихъ происшедшемъ становится очевидною.

Вопросъ вовсе не маловажный — можемъ ли мы или нѣтъ имѣть *историческую* драму, въ настоящемъ смыслѣ. Что до сихъ поръ мы ее не имѣли кромѣ очерковъ

Пушкина, да третьяго акта «Псковитянки» Мея — это фактъ и фактъ, который велъ западничество къ прямому заключенію объ отсутствіи драматическаго движенія въ нашемъ историческомъ быту, къ заключенію, изъ котораго непосредственно вытекало другое, о невозможности иного, кромѣ отрицательнаго, комическаго изображенія нашего быта вообще.

Заключенія же выведены были изъ неудачныхъ и смѣшныхъ попытокъ изображенія.

Смѣшная сторона нашего романтизма, выразившаяся въ разныхъ Доменикинахъ и «Джуліо Мости» г. Кукольника, въ разныхъ поэтахъ, художникахъ, мечтателяхъ г. Полеваго, не довольствовалась «изображеніемъ итальянскихъ страстей на сѣверѣ» и перенесла свои бури въ стаканѣ воды на почву русской исторіи и вообще русскаго быта.

Какъ въ большей части явленій нашихъ литературъ, толчокъ былъ данъ извнѣ — подражаніемъ французамъ и нѣмцамъ,

которые въ тридцатыхъ годахъ (а нѣмцы еще прежде) усиливались создать у себя историческую драму, и создавали только или геніальные парадоксы въ драматической формѣ какъ Викторъ Гюго, или съумасшедшіе сны какъ Захарія Вернеръ, или наконецъ пошлости какъ Раупахъ — и много много что искусныя мозаическія этюды какъ Просперъ Мериме въ своей «Жакеріи».

Историческая драма въ настоящемъ ея смыслѣ была не у многихъ народовъ, а именно до сихъ поръ во всей исторіи человѣчества только у трехъ народовъ — у грековъ, у англичанъ и у испанцевъ.

Потому что возможность настоящей исторической драмы обуславливается не одною геніальностью поэтовъ народныхъ, а историческими судьбами народовъ и извѣстными эпохами.

Драма вообще (трагедія или комедія это все равно), если смотрѣть на нее серьезно есть не что иное, какъ публичный культъ, совершаемый народной сущности, общественное богослуженіе; позволяю себѣ

выразиться такъ, употребляя слово богослуженіе въ языческомъ смыслѣ. Тѣмъ болѣе историческая драма. Драматургъ народный, тѣмъ болѣе драматургъ историческій, долженъ соединять въ себѣ два повидимому несоединимыя свойства: глубочайшее прозрѣніе жизни, прозрѣніе мудреца съ совершенно непосредственнымъ, нетронутымъ, никакой рефлексіей неподорваннымъ міросозерцаніемъ, отождествленнымъ съ міросозерцаніемъ своего народа; однимъ словомъ быть жрецомъ, который вѣруеть въ своихъ боговъ и котораго не заподозрѣваетъ поэтому масса въ искренности его служенія, а вмѣстѣ учащимъ массу, представляющимъ вершину ея міросозерцанія...

Ясное дѣло что для такого жречества мало одной геніальности и богатства природы въ жрець. Ни Байронъ, ни Мицкевичъ напимѣрь, не смотря на свою геніальность, не могли быть такими жрецами, ни великій Шиллеръ даже не могъ быть вполнѣ такимъ жрецомъ, хотя вовсе не потому, что газета

«Вѣкъ» изъявляетъ къ нему какъ къ поэту
мало сочувствія, ни олимпіецъ Гёте,

Жизнью вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ глубокихъ отзывахъ
сполна
Все дальнее долу отдавшій.

Такими жрецами только были Мистагогъ
Эсхиль, разоблачавшій тайны мистерій въ
Промеасѣ, съ «пчелой» народною
Софокломъ, инквизиторъ Кальдеронъ и
комедіантъ Шекспиръ. Таковыми жрецами
могли быть Дантъ и Пушкинъ, но не были:
одинъ былъ озлобленъ въ своихъ
вѣрованіяхъ, другой не зналъ предѣловъ
своихъ вѣрованій.

Для исторической драмы есть особенные
народы, именно такіе, у которыхъ мысль не
разъединена съ дѣломъ, а непосредственно
въ него переходитъ, у которыхъ искусство
идетъ объ руку съ жизнію, а не впереди ея
какъ у насъ и нѣмцевъ, и не позади ея какъ
шло нѣкогда у французовъ. И кромѣ того,
въ жизни этихъ народовъ для исторической

драмы есть особенныя эпохи — эпохи, когда великія общенародныя событія только что отошли на такое приличное разстояніе, что могутъ быть созерцаемы и изображаемы, но не ушли уже такъ далеко, чтобы одѣться для массы туманомъ, чтобы быть забытыми до утраты къ нимъ кровнаго, непосредственнаго сочувствія, кровной, непосредственной съ ними связи. Надобно чтобы духъ возсоздаемаго прошедшаго вѣялъ еще дыханіемъ жизни, носился еще надъ настоящимъ. Иначе массѣ нужно растолковывать совершаемый ей и передъ нею культъ, а ужъ плохая та драма или тотъ культъ, который надобно растолковывать. Мрачная Мойра драмъ объ Эдипѣ и Атридахъ была живымъ вѣрованіемъ для зрителей Эсхила и Софокла. Какъ только начали разсуждать о Мойрѣ, смягчать ее (смягчая на примѣръ актъ материубійства Электры и Ореста), приводятъ роковыя титаническія ненависти и привязанности, въ болѣе мягкіе, болѣе человѣческіе размѣры, — религіозность, искренность драмы упала и послѣдній цѣльный грекъ

Аристофанъ не даромъ смѣялся надъ Эврипидомъ, не даромъ также въ лицѣ его искренняя трагедія обратилась въ искреннюю комедію, культъ Мойры въ культъ Вакха и Момуса. Въ сущности онъ и смѣялся—то не надъ талантливымъ человѣкомъ Эврипидомъ, а надъ тѣмъ, что талантливый человѣкъ упорно держится за распавшуюся форму, которую онъ Аристофанъ, человѣкъ гениальный, весьма просто смѣнилъ другою цѣльной и искренней.

Отъ мистерій религиозныхъ, принимаемыхъ съ страстною вѣрою, страстнымъ, полумавританскимъ народонаселеніемъ, отъ боя быковъ съ торреадорами и пикадорами, доселѣ еще неутратившаго своего значенія для народа; отъ романсовъ о Сидѣ и Маврахъ, сложившихся почти единовременно съ событіями — въ эпоху только что вышедшую изъ борьбы, полную и рыцарства и религиознаго фанатизма, — не труденъ былъ переходъ къ *Comedia Famosa* и *Autos sacramentales* Лопе де Веги и

Кальдерона. Тутъ кромѣ генія драматурговъ, носились въ воздухѣ вѣянія великихъ событій, не исчезъ еще рыцарскій духъ, не простыль фанатизмъ религіозный. Масса могла вѣрить въ свою драму и своихъ драматурговъ какъ въ дѣло настоящее, серьёзное, не сочиненное, не выдуманное, столь же серьёзное и невыдуманное, какъ бой быковъ и костры инквизиціи. Мудрено ли, что жадно смотрѣлись эти зрѣлища при дневномъ даже свѣтѣ и подъ палящимъ солнцемъ? Это было дѣло кровное и простое.

Столь же кровное и простое дѣло была историческая драма Шекспира для того народа, у котораго доселѣ прошедшее не перестаетъ жить въ настоящемъ и въ такую эпоху, когда только что кончилась героическая эпоха славныхъ войнъ и междоусобныхъ браней — впродолженіи которыхъ народъ завоевалъ себѣ свои кровныя права. Шекспиръ до того былъ жрецомъ своего культа, что ни въ симпатіяхъ ни въ антипатіяхъ не расходился съ народомъ. Что ему за дѣло что Жанна

д'Аркъ была свѣтлымъ и героическимъ явленіемъ для своей страны? Въ глазахъ Англии и ея толпы была она (какъ Маринка въ нашихъ пѣсняхъ), «злой еретницей и волшебницей»; такую онъ ее и изображаетъ. Что ему за дѣло, что Ричардъ III вовсе не былъ злодѣемъ (какъ открывается изъ новѣйшихъ изслѣдованій)? Въ памяти народа остался онъ злодѣемъ, и Шекспиръ создаетъ его такимъ, какимъ уцѣлѣлъ онъ въ памяти народа, позволивши себѣ только одно: возвести народное представленіе въ колоссальный, общечеловѣческій типъ...

Дантъ и Пушкинъ, сказалъ я, могли бы по даннымъ природы своей быть такими же жрецами, какъ греческіе трагики, Шекспиръ и испанцы... Но у народа Дантова не было единства жизни, эпоха его представляла раздвоеніе идеаловъ, и онъ осужденъ былъ мѣдными чертами своими увѣковѣчивать свои проклятія жизни. Пушкинъ же поставленъ былъ нашимъ развитіемъ въ еще болѣе странное положеніе. вмѣсто опредѣленныхъ

вѣрованій, у него были только гаданія о жизни его народа, жизни, которая сама себя забыла...

«Эта Литва — она къ намъ съ неба упала», вотъ великое слово разгадки нашихъ странныхъ отношеній къ нашей исторіи и къ нашему быту. Это слово такъ многозначительно въ своей комической простотѣ, что только у великаго писателя каковъ Островскій, могло оно вырваться... Но до этого слова долго надобно было намъ доходить, процессомъ блестящихъ, но фальшивыхъ карамзинскихъ аналогій, добродушнаго загоскинскаго мракобѣсія, пошлостей покойнаго Полеваго, гг. Кукольника, Р. Зотова, Гедеонова и т. д. и т. д.

И все—таки это слово не такъ оправдываетъ западничество съ его отрицаніемъ какъ это кажется на первый разъ, не ведетъ къ выводамъ, что у насъ не было жизни, потомучто жизнь сама себя забыла, не ведетъ даже къ тому выводу, что у насъ не можетъ быть народной исторической драмы, т. е. культа нашей

народной сущности, по недостатку матеріаловъ для нея.

Надобно всегда различать, какъ остроумно и глубоко говаривалъ покойный Хомяковъ — «божье поущеніе» отъ «божьяго соизволенія.» Что татары оторвали насъ отъ XII вѣка и отъ нашего федеративнаго будущаго, что сѣверо-восточные князья-пріобрѣтатели, пользуясь татарскимъ игомъ, централизовали и вмѣстѣ кристаллизировали жизнь, это было конечно исторически-необходимо, т. е. проще говоря, это — произошло. Но вѣдь произошло также и то, что въ эпоху междуцарствія вдругъ раскрылись всѣ язвы общественныя, на время заглушонныя хитрыми мѣрами Калиты и Ивана III и грозной централизаціей Ивана IV, вдругъ отозвались всѣ подавленныя стороны жизни и выступили подъ знаменами безчисленныхъ самозванствъ. Равномѣрно и въ духовномъ процессѣ нашемъ совершаются такіе факты, которые показываютъ, что связь наша съ исторіей и

бытомъ народа вовсе не такъ разорвана, какъ это казалось лѣтъ за пятнадцать назадъ, что кругомъ насъ въ тишинѣ совершается жизнь, вовсе не такъ далекая отъ жизни даже XII столѣтія, какъ это кажется съ перваго раза. Какая разница напримѣръ въ хожденіяхъ паломника XII вѣка игумена Даниила и въ странствіяхъ смиреннаго инока горы Аѳонской отца Парѳенія, прочтенныхъ или читаемыхъ съ жаждою массою и прочтенныхъ съ невольнымъ увлеченіемъ даже образованнымъ классомъ, шевельнувшихъ въ немъ, въ этомъ образованномъ классѣ, доселѣ молчавшія въ немъ струны, вырвавшихъ слова сочувствія (хоть и величаваго), у такого тонко-развитаго и такъ мало способнаго къ неприличнымъ увлеченіямъ критика, какъ ех-редакторъ «Библіотеки для Чтенія»... А эти типы послѣднихъ временъ нашей литературы, бросившіе нежданно и внезапно свѣтъ на наши историческіе типы — этотъ Куролесовъ напримѣръ «Семейной хроники», многими чертами своими лучше

теорій гг. Соловьева и Кавелина разъясняяющій намъ фигуру грознаго Ивана, этотъ міръ купеческаго, т. е. уединенно—самостоятельно развившагося на своей почвѣ народнаго быта, раскрытый намъ Островскимъ и т. д.

Да! жизнь точно сама себя забыла до того, что для нея «Литва съ неба упала», но вѣдь что она забыла въ самой себѣ?.. Факты, а не значеніе фактовъ... Почему же, полагая что «эта Литва къ намъ съ неба упала», жизнь однако бьетъ такъ мѣтко иногда въ такіе вопросы, что вы и не ожидаете. Почему напримѣръ въ плохой, но народной пѣснѣ, сложившейся въ новыя времена — вдругъ васъ поразитъ самый вѣрный историческій тактъ, самая странная политическая память.

Въ тридцать первыемъ году
Воеваль полякъ Москву,
Подымался онъ войной
На Смоленску губернѣ...

Почему съ другой стороны, появленіе изъ подъ спуда пѣсенъ, сказокъ, преданій народа, свѣдѣній о народѣ, дѣйствуетъ на насъ развитыхъ и образованныхъ людей столь ошеломляющимъ образомъ, что осторожный и серьёзный г. Дудышкинъ, вдругъ неожиданно–негаданно выскочилъ съ вопросомъ, народный ли поэтъ Пушкинъ? и рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно потому только, что міросозерцаніе Пушкина и рѣчь Пушкина не похожи на міросозерцаніе и рѣчь пѣсенъ, доставленныхъ въ «Отечественныя Записки» г. Якушкинымъ или сказокъ, изданныхъ г. Аѳанасьевымъ...

Почему все это? И въ правѣ ли мы остановиться на отрицаніи въ нашей жизни живыхъ элементовъ, т. е. элементовъ самобытныхъ, связанныхъ съ прошедшимъ? А западничество именно отрицало ихъ, эти живые элементы, и все наше прошедшее предало проклятію, осудило на небытіе...

Я объяснялъ уже, что было виною такой рѣзкой оппозиціи.

Послѣдняя фальшь въ пониманіи и представленіи нашей народности была наша

историческая драма, и едва ли что—либо могло дѣйствительно такъ скомпрометировать нашу народность какъ эта незванная, непрошенная драма покойнаго Полеваго, гг. Кукольника, Р. Зотова, Гедеонова и иныхъ... Она была не только смѣшна, но въ высочайшей степени нахальна эта историческая драма; она навязывала публично такой взглядъ на исторію и бытъ народа, который людей незнакомыхъ съ народомъ и его бытомъ вель къ одному отрицанію. Припомните возгласы о русскомъ кулакѣ, звѣрское самохвальство Ляпунова кукольниковскаго и татарскую сцену Ляпунова гедеоновскаго съ Мариною; припомните войну Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами, припомните Минина и Пожарскаго въ «Рукѣ Всевышняго» г. Кукольника... Припомните еще нѣсколько столь же безобразныхъ пародій на нашу исторію и бытъ нашъ, сходите въ театръ, когда даютъ тамъ (еще даютъ) послѣднее чадо этого направленія и притомъ самое пошлое: «Татарскую свадьбу» извѣстную подъ названіемъ

«Русской свадьбы...» Нѣтъ! ни одна литература, даже французская въ драмахъ Вольтера, не клеветала такъ на исторію и быть своего отечества, какъ наша историческая драма... Мудрено ли, что она, вмѣстѣ съ предшествовавшими ей явленіями, съ историческими романами «романтически-народной» эпохи, вызвала такое сильное отрицаніе какъ отрицаніе западничества. Мудрено ли, что фальшивое пониманіе и представленіе нашей народности, долго набрасывало тѣнь, даже на благородное, хотя одностороннее, служеніе народности славянофильства?..

IV

Оппозиція, которой общее названіе есть *западничество*, выразилась какъ въ дѣятельности мыслителей, такъ и въ массѣ литературныхъ произведеній...

Но оппозиціи прямой и послѣдовательной, предшествовала оппозиція смутная, безсознательная, и на ней, прежде перехода къ разсмотрѣнію прямой оппозиціи, ея

значенія и развитія, слѣдуетъ остановиться для полноты очерка.

Безсознательная оппозиція родилась въ самой «романтически–народной» эпохѣ и вся выразилась въ дѣятельности единственнаго настоящаго таланта этой эпохи — въ дѣятельности Лажечникова.

Лажечниковъ — уже прошедшее для насъ, до того прошедшее, что когда лѣтъ за пять назадъ, мы встрѣтились съ произведеніемъ любимаго нѣкогда романиста въ «Русскомъ Вѣстникѣ», мы всѣ тщетно искали прежнихъ впечатлѣній, тщетно искали того, что нѣкогда такъ сильно интересовало всѣхъ насъ въ «Новикѣ», «Ледяномъ домѣ», «Басурманѣ»... И это не потому только, что Лажечниковъ, котораго любили мы прежде какъ историческаго романиста, явился въ своемъ старческомъ произведеніи сентиментальнымъ повѣствователемъ — нѣтъ! Не болѣе какъ за годъ тому назадъ появилась въ печати — давно извѣстная многимъ и давно съ восторгомъ читавшаяся многими — драма «Опричникъ»: она не

возбудила къ себѣ никакого сочувствія — и вдругъ оказалась совершенно устарѣлою.

Когда-то я назвалъ Лажечникова «допотопнымъ» явленіемъ. Надъ моимъ, дѣйствительно страннымъ терминомъ смѣялись, и я самъ готовъ былъ и готовъ теперь смѣяться надъ дикимъ терминомъ какъ надъ терминомъ, но за сущность мысли, выраженной неудачнымъ терминомъ, точно также готовъ стоять теперь, какъ готовъ былъ стоять тогда.

Идеи, какъ нѣчто органическое, проходятъ извѣстныя формаціи, болѣе или менѣе несовершенныя, до своего полного, прямого и гармоническаго осуществленія. Такъ точно и идея *народности* въ нашей литературѣ. Одною изъ самыхъ замѣчательныхъ, самыхъ могущественныхъ, но далеко не стройныхъ еще формацій, была художественная дѣятельность Лажечникова. Въ этомъ смыслѣ, нисколько не думая унижить замѣчательно-даровитаго писателя съ одной стороны и нисколько не впадая въ мистическій пантеизмъ съ другой, я позволилъ себѣ назвать его дѣятельность

допотопною. Как допотопныя, нестройныя формы бытія относятся къ болѣе умѣреннымъ, но стройнымъ живущимъ формамъ послѣпотопнымъ, такъ точно и явленія, подобныя Лажечникову, относятся на примѣръ въ дѣлѣ выраженія народности въ нашей литературѣ, положимъ на примѣръ къ Островскому — или явленія, подобныя Марлинскому и Полежаеву къ кратковременной, но ясной, яркой и художественно-гармонической дѣятельности Лермонтова. У всякаго великаго писателя найдете вы въ прошедшемъ предшественниковъ въ томъ дѣлѣ, которое составляетъ его *слово*, найдете явленія, которыя смѣло можете назвать формаціями идеи. Развѣ въ Нарѣжномъ на примѣръ (въ особенности въ «Бурсакѣ» его), не видать тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагаются потомъ у Гоголя «Вій», «Тарасъ Бульба» и т. д. Перечтите хоть изображеніе жизни бурсы въ «Бурсакѣ», и сравните съ нимъ изображеніе Гоголя въ упомянутыхъ повѣстяхъ, и вы конечно поймете, что

сущность моей мысли, выразившейся въ дикомъ для ушей терминѣ, совершенно справедлива.

Въ особенности справедлива она въ отношеніи къ Лажечникову.

Едва ли можно найти гдѣ-либо талантъ, представляющій болѣе хаотическое смѣшеніе высокаго художественнаго такта, съ самой очевидной безтактностью, глубочайшаго прозрѣнія въ сущность народнаго характера, геніальныхъ проблесковъ пониманія народной жизни и ея типовъ въ отдаленномъ прошедшемъ, съ ходульностью и рутинерствомъ, достойными покойнаго Полеваго и г. Кукольника — истинной, здоровой поэзіи дѣйствительности, съ безобразною, и, съ зрѣлой точки зрѣнія, смѣшною напряженностью; стремленій къ правдѣ изображенія съ рѣшительной фальшью взгляда на жизнь.

Всѣ эти противоположныя свойства явились въ первомъ произведеніи г. Лажечникова въ «Послѣднемъ Новикѣ», повторились съ преобладаніемъ безобразія

въ «Ледяномъ домѣ», и наконецъ въ «Басурманѣ» достигли высшаго и совершенно равнаго развитія. Своими, часто въ высокой степени объективными изображеніями историческихъ эпохъ и историческихъ типовъ, Лажечниковъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ поднимается на такую высоту, которая даже и въ нашу эпоху была бы изъ числа желаемыхъ, и притомъ именно тогда, когда онъ строго держится сообщенныхъ ему исторіею матеріаловъ. Съ другой стороны — собственными своими фантазіями на историческія лица и своими чисто вымышленными лицами, онъ падаетъ до той грани смѣшнаго, которую представляли собою покойный Полевой и г. Кукольникъ. Единственное что раздѣляетъ его съ ними, это — благородство воззрѣнія на жизнь, и это благородство имѣетъ оппозиціонный западный характеръ.

Лажечниковъ такое явленіе въ нашей литературѣ, такое важное звѣно въ цѣпи отношеній литературы нашей къ народности, что стоитъ анализа болѣе

подробнаго нежели тотъ, который позволяютъ мнѣ предѣлы моего разсужденія, въ которомъ я принужденъ ограничиваться только намеками и общими выводами. Сколько до сихъ поръ еще искренняго и неотразимо-привлекательнаго въ его «Новикѣ», не смотря на растянность романа, на ненужныя, ходульныя и на сантиментальныя до приторности лица, не смотря на явное пристрастіе къ великому преобразователю и его людямъ... Какое чутье истиннаго поэта помогло ему — вопреки даже пристрастію къ преобразователю и преобразованію — тронуть въ разсказѣ Новика съ такою подобающею таинственностью и вмѣстѣ съ такимъ сочувствіемъ сторону оппозиціи — лица Софьи, князя Голицына, понять поэзію и значеніе оппозиціи — чего страннымъ образомъ не понялъ или не захотѣлъ понимать чловѣкъ, болѣе его знакомый изученіями съ Петровскою эпохою и болѣе его, простодушнаго романиста, обязанный къ правдѣ — Погодинъ, который въ своей драмѣ о Петрѣ

Великомъ — представилъ лица оппозиціи какими-то фанатиками-идіотами, фанатиками-мошенниками или фанатиками-трусами. По какому наитію онъ съумѣлъ придать трагически-грандіозный характеръ Андрею Денисову, хотя и впаль въ ходульность въ его изображеніи?.. И почему наконецъ у одного Лажечникова явилось въ ту эпоху чувство патріотизма, очищенное отъ татарщины или китаизма, чувство простое и искреннее, безъ апотеозы кулака и бараньяго смиренія?..

Напряженность и ходульность, въ которой упрекали «Ледяной домъ» даже при его появленіи, дѣйствительно очевидныя, объясняются страстною впечатлительностью натуры нашего романиста. Вліяніе колоссальнаго произведенія Гюго, «Notre Dame» — очевидно на этомъ произведеніи, хотя между-тѣмъ оно нисколько не подражаніе. Оно отзывъ — и отзывъ имѣющій свое, совершенно особенное обаяніе. Въ «Ледяномъ домѣ» все фальшиво (кромѣ

чисто–историческихъ фигуръ и притомъ тѣхъ, къ которымъ авторъ относился безъ страстнаго участія), все — отъ главнаго героя и героини, до цыганки Мариулы и до секретаря Зуды, и между–тѣмъ эта фальшь увлекаетъ васъ невольно, потомучто эта фальшь — порожденіе истинной и неподдѣльной страстности, ходульной, но сильной. Ложный паѳосъ отношеній Волынскаго и Мариорицы, не паѳосъ Полеваго или г. Кукольника, а паѳосъ Марлинскаго, т. е. смѣсь волканическихъ порывовъ съ дурнымъ вкусомъ. Въ самомъ Волынскомъ, невѣрномъ исторически, невѣрномъ пожалуй и психологически — сколько удивительно угаданныхъ чертъ русскаго человѣка, до того поэтическихъ и вмѣстѣ истинныхъ, что доселѣ еще Волынскій Лажечникова — единственный типъ широкой русской природы, поставленной въ трагическое положеніе... Вспомните сцену: «вставай народъ», «умирай народъ» сцену пирушки, сцену ночной прогулки ямщикомъ, сцену свиданія съ женою, сцену безпощадно обличающую

всю безхарактерность широкой русской природы, весь недостатокъ «выдержки» ей свойственный... Помните вообще всю цѣлость вашего впечатлѣнія отъ этой могучей и безхарактерной, широкой и вмѣстѣ развратной личности, и скажите: не жаль вамъ было, когда г. Шишкинъ съ безпощадною строгостью изслѣдователя разрушалъ передъ вами историчность лажечниковскаго образа, не жаль вамъ было разставаться съ Волынскимъ Лажечникова?.. Не готовы ли вы были въ иную минуту сказать съ великимъ поэтомъ:

Да будетъ проклять правды
свѣтъ,
Когда посредственности
хладной,
Завистливой, къ соблазну
жадной,
Онъ угождаетъ злобно.
Нѣтъ!
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ
дороже

своей послѣдней и высшей степени. Въ «Басурманѣ» собственно три стороны: 1) сторона созданія историческихъ типовъ и изображенія эпохи, до сихъ поръ еще стоящая на высокой степени, — сторона, въ которой только Л. А. Мей сравнялся съ Лажечниковымъ; 2) сторона чисто-ходульная — смѣшная до крайней степени смѣшного, до художниковъ г. Кукольника и 3) сторона протеста. О первыхъ двухъ сторонахъ говорить много нечего. Лица Ивана III, боярина Русалки, боярина Мамона, боярина Образца, князя Холмскаго, прологъ и проч., сцены во дворцѣ Ивана, въ тюрьмахъ, свиданіе Ивана съ Марьей, завоеваніе Твери, все это до сихъ поръ вѣроятно всѣмъ памятно, ибо все это до сихъ поръ высоко-художественно и невольно возбуждаетъ вопросъ: какое громадное чутье таланта нужно было для того, чтобы, оставшись вѣрнымъ Карамзину, въ его всегда правильныхъ сочувствіяхъ (къ Новгороду, къ Твери и проч.), совершенно высвободиться изъ подъ вліянія его, тяготѣвшихъ надъ всѣми

литыхъ формъ; создать образы, совершенно вѣрные лѣтописямъ, создать для этихъ образовъ особенный, колоритный и вмѣстѣ простой, нисколько не мозаическій языкъ, взглядѣться такъ проницательно въ простыя и часто вовсе неколоссальныя пружины событій и дѣйствій, носящихъ у Карамзина ложно-эффектный блескъ величавости. До сихъ поръ никто не превзошолъ Лажечникова въ этомъ дѣлѣ: одинъ Мей, повторяю я опять, сравнялся съ нимъ въ третьемъ и четвертомъ актѣ «Псковитянки». Съ другой стороны, памяты всѣмъ точно также и мечтанія Аристотеля Фіоравенти, достойныя Доменикина г. Кукольника, заговаривающагося до «младенческой», и сентиментальный нѣмецкій докторъ столь же смѣшной, какъ поэты Полеваго и проч. и проч.

Что касается до третьей стороны романа Лажечникова, до стороны протеста, то протестъ очевидно въ немъ двоякій. Одинъ отзывавшійся уже въ «Новикѣ», протестъ противъ грубости, невѣжества и

закоsnблости стараго быта, протестъ чисто западный, съ опредѣленнымъ сознаниемъ идеаловъ. Другой протестъ безсознательно народный, еще смутный, неопредѣленный какъ лепеть, хотя и правый, — тотъ же протестъ, который такъ ясно высказался въ послѣднихъ произведеніяхъ Островскаго. Этимъ протестомъ созданы лица Хабара Симскаго, Аѳанасія Тверитянина, любовь дочери боярина Образца и ея трагическая участь, вдова Селинова и т. д. Пусть Хабаръ еще больше блестяще, чѣмъ полно созданъ, пусть въ рѣчахъ Анастасіи и вдовы Селиновой еще непріятно поражаютъ иногда фальшивыя ноты, но основа отношеній ихъ, психологическія пружины ихъ натуръ вѣрны и народны, но протестъ который таится въ этихъ образахъ, зародышъ протеста самобытнаго, хотя еще смутнаго.

Четвертое важное произведеніе Лажечникова — недавно только явившееся на свѣтъ Божій — его драма «Опричникъ» слабѣе всѣхъ прежнихъ по выполненію, хотя также знаменательна какъ одна изъ

формацій того, что полно, просто и стройно выполняется въ наше время Островскимъ. Въ «Опричникѣ» дорога вовсе не историческая сторона драмы (кроме сцены въ гостиномъ ряду). Странное дѣло! Лажечниковъ, который въ изображеніи Ивана III и Марѳы шагнулъ черезъ карамзинскія литыя формы, въ изображеніи Ивана IV и его опричниковъ является чисто рабомъ этихъ самыхъ формъ и вмѣсто живыхъ образовъ, сочиняетъ ходульнѣйшія лица, думающія и говорящія ходульнѣйшимъ образомъ. Въ «Опричникѣ» дорога его семейная сторона, приходъ боярыни Морозовой къ врагу ея семьи, слова «Твоя да божья», съ которыми дочь падаетъ къ ногамъ отца, выдающаго ее замужъ за немилаго — слова также вырванныя изъ русской души, какъ слова Любви Гордѣвны Островскаго (твоя воля батюшка!) намеки на семейное начало. Больше же ничего нѣтъ въ «Опричникѣ», нѣтъ прежде всего живого, человѣческаго и вполне колоритнаго языка...

Какъ же, позволяю еще разъ спросить, прикажете назвать этотъ безспорно высокій, но хаотическій талантъ, стоящій на грани западничества и славянофильства, иногда прозрѣвающій народную сущность глубже и западничества и славянофильства, и опережающій лѣтъ на пятнадцать наше пониманіе народности, иногда же фальшивый до очевидности, напряженный до ложнаго паѳоса, и даже смѣшной до крайней грани смѣшного, до Полеваго и до Кукольника, — какъ его назвать иначе, какъ одною изъ первыхъ формацій правильнаго пониманія народности, формацій міра идеальнаго, параллельныхъ съ допотопными формаціями матеріальнаго міра.

По сочувствіямъ и идеаламъ западникъ гораздо болѣе чѣмъ славянофилъ и ужъ всего менѣе адептъ шишковско—загоскинскаго направленія, вѣрнѣйшій послѣдователь Карамзина въ идеяхъ, умѣвшій однако перешагнуть черезъ его литыя формы, поклонникъ преобразованія, преобразователя и людей преобразованія и

преобразователя, Лажечниковъ однако же смутно носить въ своемъ творествѣ идеалы самобытнаго, народнаго протеста, затрогиваетъ хотя и не всегда правильно такія струны русской души, которыя отзываются полно только черезъ пятнадцать лѣтъ потомъ!

V

Я старался съ возможной точностью и подробностью изложить всѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось въ нашемъ умственномъ процессѣ явленіе, называемое *западничествомъ*, вывести всѣ причины его происхожденія и его сильнаго развитія.

Результатъ изъ моего изложенія вывести, какъ мнѣ кажется, не трудно.

Не съ народностью боролось западничество, а съ фальшивыми формами, въ которыя облекалась идея народности. И вина западничества — если можетъ быть вина у явленія историческаго — не въ томъ конечно, что оно отрицало фальшивыя

формы, а въ томъ, что фальшивыя формы принимало оно за самую идею.

Увлекаемое какъ всякая теорія роковымъ процессомъ къ абсурду, къ отрицанію значенія нашей народности, оно разумѣется дошло до этого абсурда не вдругъ, а постепенно, хотя довольно быстро.

Смѣлая теорія высказанная Чаадаевымъ, сначала не нашла себѣ отголоска въ русской литературѣ. Она разрабатывалась такъ сказать, по частямъ.

Отрицаніе сперва увидѣло только раздѣленіе между нашей жизнью до реформы Петра и нашей жизнью послѣ реформы... Раздѣленіе представилось, да еще и теперь можетъ быть нѣкоторымъ представляется въ видѣ какой-то бездны, расторгающей два міра, ничего общаго между собою не имѣющіе, одинъ — міръ застоя, общественной, нравственной и умственной тины; другой — міръ человѣческихъ стремленій и развитія.

На первый разъ западничество выразилось въ привязанности и пристрастіи къ преобразователю и преобразованію —

привязанности и пристрастіи, которое раздѣляли съ нимъ многіе, въ послѣдствіи рѣзко отъ него отдѣлившіеся дѣятели (Надеждинъ, Погодинъ и другіе). Западничество притомъ, въ лицѣ своего высшаго дѣятеля — Бѣлинскаго, увлекшись формами гегелизма и на вѣру принявши *змыное* положеніе великаго учителя, что «все что есть, то разумно», наивно считало себя прямо враждебнымъ какъ Чаадаевской, такъ и всякой возстающей на дѣйствительность теоріи, доходило въ своемъ примиреніи съ дѣйствительностью до самыхъ крайнихъ результатовъ...

Такое наивное упоеніе дѣйствительностью было разумѣется не продолжительнымъ.

Въ 1840 году мысль идетъ отъ отрицанія къ отрицанію. Въ 1839 году «Отечественными Записками» еще съ воторгомъ привѣтствуется «Басурманъ» Лажечникова за его народность; еще появляется юношески-восторженная, но до сихъ поръ имѣющая свою цѣнность статья о циклахъ русскихъ богатырскихъ пѣсенъ и сказокъ, съ глубокимъ философскимъ и

поэтическимъ пониманіемъ ихъ содержанія и значенія. Черезъ два года — являются статьи Бѣлинскаго о томъ же предметѣ, яростно-отрицательныя. Въ 1839 и даже въ 1840 годахъ печатаются еще статьи Коллара о славянствѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Черезъ пять лѣтъ, въ порывѣ фанатизма и въ увлеченіи борьбы, объявляется тамъ же во всеуслышаніе, что Турція какъ «государство», внушаетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ сбродъ славянскихъ племенъ, ею поработенныхъ — мысль, которой знаменитое мнѣніе «Атеней» 1859 г. о цивилизаторской роли австрійскаго жандарма въ славянскихъ земляхъ — является только повтореніемъ. Но то, что принимается какъ истина въ 1844 году, отвергается единодушно всѣми въ 1859 году.

Сила западничества заключалась въ отрицаніи ложныхъ формъ народности. Какъ только вмѣсто ложныхъ формъ показались настоящія, оно неминуемо должно было пасть и дѣйствительно пало.

А. ГРИГОРЬЕВЪ
